

АЛЕКСАНДР ЮРЕНКО,

соискатель кафедры методологии и методов социологических исследований факультета социологии и психологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Никита Шаповал о сущности нации как социального феномена

Abstract

The theory of nation created by Mykyta Shapoval — the founder of sociology in Ukraine — is discussed in the article. Sociological aspect of nation as a complicated social community is distinguished. The main trends of discussion devoted to sociological interpretations of the national identity phenomenon which took place among Ukrainian social scientists on emigration in the beginning of the 20-th century are presented.

Никите Шаповалу, выдающемуся политическому и общественному деятелю Украины, выпало к тому же стать основателем отечественной социологии как отдельной фундаментальной и прикладной науки и плодотворно работать в сфере ее институционализации.

Несмотря на перманентную вовлеченность в политическую борьбу и крайне широкий диапазон своих амплуа, он никогда не прекращал общественно-научных изысканий, заявив об этом своими многочисленными трудами. Однако несмотря на их весомость и несомненный интерес, подавляющее большинство его работ до сих пор еще пребывает вне научного оборота.

Проблемы этнонационального развития Украины — один из приоритетов научных разработок Н.Шаповала, поэтому не удивительно, что вопросы теории нации в них относятся к числу фундаментальных. Находясь в эмиграции в Чехословакии, Шаповал, разрабатывая основы украинской социологии, стал активным участником научной дискуссии по теории нации, четко обозначившей его общественно-научные взгляды.

Одна из современных исследовательниц очерченной проблематики, Н.Черныш, обратила внимание на то, “что в украинской социологической мысли 20–30-х годов (в условиях эмиграции) наиболее мощным и разработанным направлением была социология нации. Ее представители вращались в кругу хорошо известных им западных философских, социологических, политологических теорий, создавали свои оригинальные концепции, которые органически переплетались с общеевропейскими научными традициями, сохраняя вместе с тем свою национальную самобытность, своеобразное, в духе украинской ментальности, понимание нации” [1, с. 45]. Этот вывод, весьма информативный по содержанию, одновременно приобретает еще и некоторую проблематичность на фоне резюме самого Никиты Шаповала, сделанного в 1929 году: “К сожалению, европейская наука в деле нации стоит не выше украинской. Учитывая ограниченность места, я не привожу цитат из писаний европейцев, поскольку это была бы бесплодная трата времени и бумаги: украинцы передрали свои “теории нации” у подобных европейских теоретиков” [2, с. 94].

К выводам Н.Черныш я еще вернусь, а на основе приведенного утверждения Шаповала, именно принимая во внимание его заметную категоричность и понятную субъективность, можно судить об его оценке достижений своих коллег.

А из каких же оснований исходил тут он сам? Пытаясь выяснить научную истину — раскрыть социальное содержание понятия “нация”, выделить основные моменты нациогенезиса, Н.Шаповал исходил из того, что достичь этого можно, лишь обратившись к социологической методологии и методам, то есть “мыслить социологически”. По его мнению, это означало “рассматривать общественные явления в их связи с другими, устанавливая их причинную связь и закономерности движения человеческих существ и их общностей. Для такого мышления необходимо представлять всю сложность человеческих скоплений, действующих сил (факторов), а также влияние всех достижений общественного процесса, играющих роль средств связи, которые образовались и постоянно образуются в течении взаимообусловленностей, и укрепляют, детерминируют широкую связанную систему, называемую человеческим обществом” [3, л. 42]. Изучение взаимодействия различных элементов социального явления он считал главным звеном процесса познания: “Социологом является тот, кто при изучении социального явления в целом или одного из его элементов, при изучении его статистики или динамики ищет и раскрывает взаимодействие и его результаты и выводит определенные закономерности, которые и есть нашими действительными научными знаниями социальной действительности” [3, л. 41].

Социологические теории, по мнению Шаповала, непременно должны опираться на эмпирический материал, который ученый считал “хлебом” для социологии, без которого ее просто не будет, и в то же время не воспринимал в ней “философствования”, то есть голого теоретизирования. Привлекает внимание то, что главный оппонент Шаповала в научных дискуссиях, профессор В.Старосольский, крайне негативно относился к так называемому эмпирическому направлению исследования нации, считая, что ее основные признаки невозможно определить эмпирически [4, с. 13–15]. Причем исследовательница и публикатор профессорского наследия, И.Кресина, под-

черкивает, что при этом он доказывал “ограниченность и неприемлемость” данного направления” [5, с. XXII].

Исходя из очерченных им позиций социологического мышления, Н.Шаповал представлял себе нацию как социальную общность — “скупину”, по его терминологии, занимающую определенное место в социальной стратификации общества и динамично развивающуюся в нем, нередко выступающую субъектом борьбы интересов. Акцентируя это, он отмечал, что “марксисты с успехом сделали популярной (а большевики ввели в догмат) мысль, что социальный мир разделяется только на классы угнетателей и угнетенных, эксплуататоров и эксплуатируемых, и часто социально-исторический процесс есть не что иное, как борьба классов”. И тут же дал этой формуле собственную оценку: “Она ... *ложна*, не научна, не верна и исторически вредна и просто губительна политически, что и доказано революцией (то есть эмпирически. — А.Ю.). Почему? А потому, что общество состоит не только из классов, а из многих коллективных единств: есть расы, половые группы, семья, государство, партии, профессиональные союзы, научные, спортивные, занимающиеся разными видами искусства группировки, различные группы и церковные организации, нации, касты, сословия, возрастные, территориальные группировки и т.д. без конца”. Каждая из этих групп, по мнению Н.Шаповала, имеет собственные интересы, поэтому они и отстаивают эти разноплановые интересы, причем далеко не всегда экономического характера. И конфигурация линий этой борьбы довольно сложная. “Это — социальная *действительность*, и какое же научное значение имеет фраза: исторический процесс есть борьба только классов? Это ложь, потому что, хотя есть классы, есть классовая борьба, но есть и не классы, и есть не классовая борьба”, — подчеркивал он. “А потому правильным и научным, то есть отвечающим действительности, пониманием общественного процесса будет высказывание: *социальный процесс есть борьба разных общественных групп*, и то с тем ограничением, что эта борьба не беспрерывна... Исторический общественный процесс надо вообще рассматривать в двух аспектах: аспекте борьбы и аспекте сотрудничества...” [6, л. 73–74].

Важным методологическим положением, которое Шаповал выводил из этого этюда построения общества и его структурного взаимодействия, было следующее: “И класс, и нация являются своеобразными социальными группами, коллективными единствами, объединяемыми *сознанием* своей сложной общности: общности материальных интересов, быта, традиций, переживаний” [6, л. 76]. Следовательно, для Никиты Шаповала неопровержимым было то, что национальная связь представляет собой разновидность социальной связи. Интересно в таком аспекте сопоставить это с утверждением одного из ведущих социологов XX века П.Сорокина. “Национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела”, — утверждал он в своей известной работе “Проблема социального равенства” в 1917 году [7, с. 248]. В качестве аргумента в подтверждение этого Сорокин писал: “На почве одного языка нельзя построить здание национальности”. И продолжал: “Некоторые указывают на *единство культуры* как на отличительную черту национальности. Но разве это “туманное пятно” не состоит как раз из тех элементов, о которых только что шла речь? Выбросьте из “культуры” язык,

религию, право, нравственность, экономику и т.д., и от “культуры” останется пустое место” [7, с. 246–247]. Таким образом П.Сорокин искусственно препарировал составляющие национальности (которые в его рецепции тождественны понятию “нация”), отделяя их национальную форму от национального содержания, и фактически выводил из этого некий наднациональный субстрат. Что касается Н.Шаповала, которого в 20-е годы объединяли с этим корифеем российской и американской социологии тесные личные и научные связи, то он еще в 1912 году сформулировал противоположное: “Национальность в глубинах своих имеет *социальную почву* (курсив мой. — А.Ю.), и происхождение ее, как утверждает современная наука, носит полностью социальный характер. Она представляет определенную социологическую категорию и как таковая является могучим фактором в развитии общественной жизни” [8].

Шаповал, вероятно, лучше многих других украинских деятелей проследил онтологические и гносеологические основания такого подхода не только выдающегося российского социолога, но и всего мощного, если не ведущего направления в российском обществоведении и общественной мысли к обозначенной выше сложной теоретической проблеме, а следовательно, и к практике в национальном вопросе, отмечая, “завоеванные царями народы, инкорпорированные страны русские социалисты считали и считают *Россией*, своим наследством, на которое они имели *право* собственности, взятое от царей”. Что касается решения национального вопроса во вчерашней империи, то лидеры российской демократической революции (а П.Сорокин был очень близок к ним), по словам Н.Шаповала, считали так: “Ну кто, скажите, пожалуйста, угнетает украинцев? Это такие же люди, как и мы. И нас, и их угнетали цари и их правительства, теперь царей нет, мы свободны, никакого национального гнета не чувствуем мы, не должны чувствовать и украинцы. А если кто из них об этом болтает — это немецкий шпион, австро-польская интрига, предательство и т.п.”. Одним словом, “сытый голодного не разумеет...” [6, л. 72–73]. А за несколько лет до появления этих строк Н.Шаповал довольно удачно подметил, что русские “носят свою национальность легко, будто воздух за плечами” [9].

Видимо, именно опыт отношений и дискуссий с русской интеллигенцией и изучение ее идеологии приблизили Н.Шаповала и к более общему выводу, значение которого и для фундаментальной социальной теории, и для общественно-политической практики вряд ли нужно доказывать. В своей работе “Борьба за нацию” (1922 г.) он подчеркивал: “Когда кто-то говорит, что он игнорирует нацию, это вовсе не значит, что он игнорирует нацию *вообще*. Он игнорирует только данную, *эту* нацию, заботясь объективно о другой нации. Когда он игнорирует этот язык, то орудует языком другой нации. *Ни одного человека безнационального* в мире нет. Из-за того, что кто-то игнорирует данную нацию — он служит другой нации. “Интернационального” как субстрата нет, поскольку интернациональность является лишь формой отношений между нациями” [10, л. 27].

Остро полемизировал Никита Шаповал относительно понимания общественной сущности нации, ее признаков и факторов нациогенезиса и с украинскими обществоведами. Следует заметить, что его концепция основывалась на принципе объективизма, то есть опиралась на объективные признаки такого сложного социального феномена, как нация.

На примере украинцев он давал следующее определение нации: “...Перед нами – языковое украинское скопление, территориальное и государственное. Все украинцы в этом солидарны и единокорны. Поэтому по этим вопросам в отношениях к *другим* языкам, территориальным и государственным скоплениям они антагонистичны, а между собой солидарны, выходящая “внешне” как один. Этот сложный тройной слой населения и есть *нация*. Проанализировав ... другие слои, которые обычно называются нациями, мы видим эти три признака наиболее часто” [2, с. 85]. Вместе с тем Шаповал не абсолютизировал подобной комбинации объективных признаков, рассматривая их диалектически и замечая, что “социальный состав наций еще не затвердел”, и из этого правила существуют исключения. С другой стороны, он отрицал отнесение к характерным признакам нации таких объективных черт, как раса или антропологический тип, указывая, тем не менее, что они являются существенными, а иногда и определяющими для типов этносоциальных общностей, которые в историческом плане предшествовали нации. “Примитивные племена”, по его мнению, являются “религиозно-лингвистически-территориальными слоями населения”, или “расово-лингвистически-религиозными”. Это второе определение племени не противоречит первому, однако учитывает и расовый признак, существенный для племенного единства, а также то, что некоторые народы в племенной фазе своего развития еще не имели устоявшейся территории проживания. “У народов, которые расово смешались (благодаря, например, современным религиям, охватывавшим большое число племен и народов), отпало расовое единство, зато возросло стремление к государственной самостоятельности, поэтому кумуляция приняла такой вид: лингвистически+территориально+государственный слой населения или типичная нация” [2, с. 92–93].

Осмысливая попытки украинцев обрести государственность, Никита Шаповал отмечал: “Украинцы, по сути, становятся нацией”. Между племенем и нацией он ставил переходный тип общности, или народность, которая как слой населения (сложное скопление) кумулируется по признакам: язык+раса+религия или язык+религия+территория [2, с. 93]. Заметим, что во времена формирования этих взглядов немало зарубежных и отечественных ученых занимали абсолютно противоположные позиции, выстраивая субъективистские теории нации, основанные на представлениях о том, что целостность нации обуславливается факторами субъективного характера, имманентно присущими ей. А следовательно, по мнению авторов этих теорий, упомянутые факторы играют роль признаков нации. Примером может послужить концепция В.Старосольского, который был убежден, что объективистские теории нации отягощены атомистическим подходом, и отрицал их внутреннее единство как целого. Старосольский, в свою очередь, дает такое определение нации: “Нация — это общность, то есть общество, основу которого составляет иррациональная стихийная воля. В отличие от общностей, которые основываются на физических основаниях кровной связи, как семья, род, племя, — она основывается на инстинктах “второй степени”, типом которых является идея. “Объективные приметы наций” — это только факторы, которые в данных исторических условиях помогли национальной общности образоваться, и одновременно это формы и символы, в которых она проявляет себя” [4, с. 89].

Н.Шаповал, опираясь на свое материалистически-рационалистическое мировоззрение и понимание в его духе общественного процесса, отрицал научность этой волюнтаристско-иррационалистической теории. “Она интересна тем, что указывает, будто бы нация является продуктом стихийной, арациональной (неразумной воли). Известно же, что где действует нечто “иррациональное” (неразумное), там разум не может ничего понять, а потому не может и выработать теории (теория является чистым продуктом разума) об иррациональном” [2, с. 88]. Сводя, как правило, эту стихийную свободу “быть нацией” к значению метафизической категории, Старосольский выстроил множество других суждений относительно признаков нации и нациогенезиса. Не высказываясь конкретно по поводу каждого из них, Н.Шаповал пытался опровергнуть их собственной концепцией. К таким концептуальным вопросам относился и вопрос о роли культуры в этнонациональном бытии. И хотя В.Старосольский отмечал, что “единство культуры способствует ... созданию нации позитивно, а негативно оно помогает нации внешне отмежеваться от других национальных общностей”, И.Крессина утверждает, что теория, которая на первое место ставит культурный фактор, по мнению Старосольского, является вредной. Ряд социологов, считает она, и в частности М.Вебер, которого цитирует Старосольский, убеждены в том, что “нация не является культурной общностью” [5, с. XXIII].

Но, как утверждает исследователь теории нации Г.Касьянов, “центральной концепцией, синтезировавшим в себе разнообразные характеристики национальной индивидуальности, была, по определению М.Вебера, “культура”... Значение “нации”, — писал М.Вебер, — в целом связывается с превосходством, или же, по крайней мере, с уникальностью культурных ценностей, которые можно сохранить и развивать только путем культивирования индивидуальности общности”. При этом Г.Касьянов подчеркнул, что веберовская концепция в данном контексте — это “*концепция культуры* как определяющего элемента существенных характеристик нации” [11, с. 58].

Сам же Никита Шаповал имел собственное видение культуры в процессе этно- и нациогенезиса, в национальном бытии вообще и в украинском в частности. Не имея возможности более или менее систематизированно изложить тут основные моменты его видения, акцентирую внимание на некоторых из них. Рассматривая генезис украинской нации в исторической ретроспективе, Шаповал особо выделял роль “культурно-психических элементов образования национальной связи”, поскольку составляющие культуры, причем именно в таком же плане, как понимал их М.Вебер, сыграли в украинском нациогенезисе ведущую роль. “Язык, быт, мировоззрение, материальная культура масс — все это было самостоятельным и отдельным от московства. Котляревский, художественно обработав основы жизни масс, создал реальные картины и образы, которые мастерски очаровывали многих. Стихи Сковороды и песни Котляревского — между ними различие, та пропасть, что разделяет *культурное сознание наций* (курсив мой. — А.Ю.), которое выделяет индивидуальность в явление. Неосознанно, без ясно поставленной цели, Котляревский стал первым творцом национального сознания. Он дал отдельное искусство и этим заложил *пункт, вокруг которого началась отдельная психическая организация, первая система национальной связи*. С Котляревского начинается история возрождения, или точнее —

история зарождения украинской *нации из этнической группы* (курсив мой. — А.Ю.)” [12, с. 24]. Таким образом, индуктивно из этой синтетической схемы нетрудно выделить и универсальный (в том понимании, в котором употреблял это слово Драгоманов, то есть относящийся также к другим народам) аспект концепции Шаповала.

“Само национальное освобождение означает, что язык и культура трудящихся масс становятся основой для всенародной культуры, объектом заботы всего общества, формой его *психической связи* (курсив мой. — А.Ю.)”, — отмечал Н.Шаповал в работе “Борьба за нацию”. Еще раз подчеркивая роль И.Котляревского в развитии украинского общества, он писал: “Из маленького источника вырвалась струйка, которая потекла на просторы, притягивая и вбирая в себя психические атомы украинского сознания, организуя украинскую психику в единый тип. Момент искусства лежит в основе психического собирания украинского общества. Язык — песня, театральное действие, поэзия. Потом пришло осознание традиции, то *есть история*. На создание языка и истории как материализованных проводников психической культуры ушло почти все столетие”, — отмечал он в том же 1922 году в другой работе “Общество и нация” [10, л. 2]. Заслуживает внимания то, что Никита Шаповал отыскал и выделил ту грань, где смыкаются субъективные и объективные факторы нациогенезиса, раскрыв действие этого механизма. Речь идет именно о культуре как интегральном явлении в этнонациональном бытии. Кстати, и функционально, и содержательно подобное понимание культуры, на мой взгляд, сближает скорее концепции Н.Шаповала и М.Вебера (а не Вебера и Старосольского), однако вряд ли стоит использовать последнюю как индикатор теорий украинских социологов в данном контексте. Сравнивая их собственные концепции, нельзя обойти вниманием еще одну деталь. Если Шаповал, указывая на различия культурного уровня разных социальных слоев и корреляцию культурных явлений и социального расслоения, все же акцентировал общественно-интегральное, общенациональное значение культуры, то В.Старосольский, вне всякого сомнения, находясь под влиянием марксизма, отстаивал тезис о том, что национальную культуру во все времена олицетворяет господствующий в обществе класс. Именно эта культура господствующего класса, по его мнению, “проступает в характере носителя национальной идеи и национальной культуры” [4, с. 21].

Шаповал был убежден, что в культуре как факторе нациогенезиса и признаке нации объективного характера наиболее рельефно проявляется также субъективный фактор и признак этого феномена (нации) — национальное сознание.

Рассматривая теории других украинских ученых и идеологов, в частности И.Бочковского, В.Липинского, Д.Донцова, М.Славинского, Н.Шаповал наряду с внешними расхождениями отмечал их общие черты.

Концепции Старосольского и Донцова, по его мнению, сближало то, что последний в своем труде “Национализм” заявлял, что главной чертой и вообще содержанием жизни нации является спонтанная воля к жизни — немотивированная и иррациональная [13]. Даже не давая определения нации, в чем справедливо обвинял его Шаповал, Донцов акцентировал внимание именно на этом ее априорном, как он считал, начале. Его понимание нации с теорией Старосольского объединял еще и волюнтаризм. Категори-

чески отрицая тезис Донцова о том, что нации являются отдельными видами людей (*species*), и другие положения донцовского “Национализма”, Н.Шаповал констатировал: “Тяжелое впечатление производит эта книга, какая-то средневековая болтовня о “нации”, при чем не говорится ясно, что такое нация”, и определял суть подхода Донцова к пониманию нации как “зоологический национализм” [2, с. 91–92].

Одним из оппонентов (а учитывая характер их отношений, можно было бы сказать — и противников) Никиты Шаповала в дебатах по проблеме нации был Ипполит-Ольгерд Бочковский.

Как у Старосольского и Донцова (термин “теория” применительно к импликациям последнего я употребляю условно), его теория носит психологический характер. Хотя, в отличие от их иррационалистического дискурса, Шаповал считал, что основным фактором нациогенезиса, превращения “сырой этнографической массы” в нацию, перехода народа от “биологического” периода развития к состоянию “осознанного национального организма” служит национальное самосознание, которое выполняет в этом процессе “кристаллизирующую и организующую работу”. Вслед за известным выступлением Э.-Ж.Ренана “Что такое нация?” (1882 год), Бочковский повторял его основные постулаты в цитируемой выше работе. Полностью принимая их, он подытоживал: “Нация, согласно его (Ренана. — А.Ю.) определению, это — психически-культурно однообразная, сплошная община, основывающаяся на “сознании общего самопожертвования за общую жизнь и на желании и в будущем жить вместе”. Это, так сказать, внутреннее проявление относительно собственной обособленности, сохранения индивидуальной самобытности, полной самостоятельной жизни такой национальной единицы. Современная наука в основном приняла это психологическое понимание нации” [14].

Классифицируя эту концепцию, основополагающие моменты которой сформулировал именно Ренан, а не Бочковский, как “интеллектуалистически-чувственную”, Шаповал указывал на ее противоречивость объективным критериям определения признаков нации и подытоживал: “Таким образом, нация (по мнению Бочковского. — А.Ю.) — это не некая очевидная реальность, а явление психическое, причем нечто вроде партии”. При этом соотносил ее с теорией Старосольского, подчеркивая, что “различие только в факторах формирования нации: у Старосольского нациеобразующим фактором является “неосознанная воля”, а у Бочковского — “национальное сознание” (разум) [2, с. 88–89].

Однако именно акцент на последнем делает эту теорию привлекательной для современных исследователей, что обусловлено, видимо, не столько выводами объективного анализа, сколько поиском определенных идеологических векторов, способных влиять на массовое сознание. “Такое понимание нации со временем становится распространенным в украинской социологической и исторической традиции”, — отмечает Н.Черныш [1, с. 43], объясняя таким образом, почему ей наиболее импонирует этот подход.

Но объективности ради следует сказать, что Н.Шаповал тоже не считал национальное сознание второстепенным фактором создания нации, хотя Н.Черныш этого почему-то не заметила. Именно развитие национального сознания до уровня национальной идеологии, по убеждению Н.Шаповала, дает жизнь и национальному движению, в частности борьбе за националь-

ное освобождение. Но хотя для Шаповала это сознание и выступало субъективным фактором (и признаком нации), тем не менее он последовательно акцентировал его связь с другими, уже объективного плана, факторами, определенным образом детерминирующими его (например, с языком). На осознании своих интересов, а не благодаря некоей мистической (как у В.Липинского), иррациональной (у В.Старосольского и Д.Донцова) или сугубо психологической субстанции (как понимал это И.Бочковский), базируется национальное сознание, “то есть сознание коллективных интересов данной этнической массы, родственной культурно-психически. Культурно-психическое единство или родство является фактором первоначального укрепления солидарности. Осознание этой солидарности и составляет, собственно, то, что мы называем национальным сознанием” [12, с. 19], — этому определению трудно отказать в концептуальности, обвинив его в умозрительности. С приведенным выводом Шаповала логически контекстуально соотносится его тезис, который формулирует, как он писал, “основной социологический закон”: “Сознание человека в конечном итоге является продуктом общественного окружения, а сознание организуется и проявляется в языке” [2, с. 41].

Разумеется, такой объективизм не придает теории Шаповала особого “национального” пафоса или патетизма, которые любили не только в его времена... При этом вряд ли можно отрицать положение Шаповала, сформулированное в результате изучения опыта революции 1917–1920 годов, то есть трансформации определенной социальной эмпирики в теоретический вывод: “Слабые народы ничто защитить не сможет, поскольку все дело не в природных границах, а в культуре и сопротивляемости самих народов, и в отношении их к количественным факторам. Культурные, организованные народы защищаются не горами, а своим сознанием” [15].

Возвращаясь к данному Шаповалом определению нации и пониманию ее внутреннего содержания, стоит сравнить его с дефиницией известного предшественника современной этносоциальной науки Э.Смита. Такое рассмотрение, в отличие от сопоставления с идеями М.Вебера, вероятно, менее корректно, но в некоторой степени и более интересно: как выглядит концепция Никиты Шаповала на фоне современной теории нации конца XX века? Нация, считает Э.Смит, в самом общем виде — это “большая политизированная этническая группа с общей культурой и историческим наследием” [11, с. 68]. Поэтому нетрудно понять, что политизированность здесь тождественна государственной кумуляции, а этничность определенным образом соотносится с территориальной и языковой кумуляциями. Правда, определение нации Шаповала содержит меньше составляющих, особенно учитывая дальнейшее развертывание Смитом очерченных выше признаков, хотя в контексте рассмотренной выше Шаповаловой концепции элемент культуры отнюдь не выпадает из нее [11, с. 69]. С другой стороны, вполне уместным комментарием в этой ситуации является утверждение современного украинского философа В.Лисового: “Разнообразие наций и национализмов имеет своим следствием то, что они обладают очень бедным набором общих признаков” [16]. Никита Шаповал не просто осознавал важность как можно более универсальных определений, открытие и формулировку закономерностей довольно широкого характера, но и много работал в этом

направлении, обобщая выводы в ряде своих работ. Однако более глубокое исследование этих вопросов, к сожалению, выходит за рамки данной статьи.

Литература

1. Черниш Н. Проблеми нації у працях українських соціологів на еміграції (20–30-ті рр. ХХ ст.) // Державність. — 1995. — № 1.
2. Шаповал М. Загальна соціологія. — Прага, 1934.
3. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее — ЦГАОРУ). — Ф. 3563. — Оп.1. — Д. 74.
4. Старосольський В. Теорія нації. — Відень, 1922.
5. Кресіна І. Свідомість і воля — основа нації // Старосольський В. Теорія нації. — К., 1998.
6. ЦГАОРУ. — Ф. 3563. — Оп. 1. — Д. 37.
7. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. — М., 1992. — С. 248.
8. Сріблянський М. Національність і мистецтво // Українська хата. — 1912. — № 12. — С.734.
9. Шаповал М. Світова революція, Росія і Україна // Борітеся-поборете! (Відень). — 1920. — № 3. — С.20.
10. ЦГАОРУ. — Ф. 3563. — Оп. 1. — Д. 69. — Л. 27.
11. Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. — К., 1999.
12. Шаповал М. Соціологія українського відродження (з соціології і політики національного відродження). — Прага, 1936.
13. Донцов Д. Націоналізм. — Лондон; Торонто, 1966. — С. 105.
14. Бочковський І. Національна справа (Статті про національне питання в зв'язку з сучасною війною). — Відень, 1918. — С. 87.
15. ЦГАОРУ. — Ф. 3563. — Оп. 1. — Д. 50. — Л. 56.
16. Лисовий В. Перший в Україні систематичний виклад теорії нації та націоналізму // Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. — К., 1999. — С. 8.